Сергей АРУТЮНОВ

Невероятнейший

О ранних пушкинских стихотворениях

Главное, что требуют от нас жизнь, вера, любовь, свобода – вообще бытие в самом широком смысле этого слова – восхищения, преклонения перед чудом. Чудеса явлены и продолжаются, и если мы изнываем в мире от скуки, то, значит, живительная влага их перестала достигать нашего существа, и самое время подумать о причинах той чёрствости, которые обуревают нас и злее, и неотступнее любых древних демонов.

* * *

Ранние стихи Пушкина – такой же источник для бесконечного постижения сверхчеловеческой глубины языка, как и, может быть, Святое Писание, надо только уметь прочесть их с особого ракурса, открывающего доселе не познанное. И первая же сноска в данной максиме – надо только прочесть, чего подавляющее большинство из нас не делает годами и десятилетиями. Обстоятельства, знаете ли…

Знаем.

Пушкин – то самое зеркало, в которое с определённым оттенком нарциссизма те, кто умеют его постигать, смотрятся всю жизнь. Его одного порой хватает, как того же Писания, для того, чтобы постичь изменчивость и неизменность бытия.

Тайна Пушкина – в вечном младенчестве духа, свежести, непоседливости и капризности, сквозь которую каждый узнаёт себя в четырёх-пятилетнем возрасте, ещё не отравленным «взрослым» нытьём об усталости и невозможности продолжать «существовать в таких условиях». В каких это – таких? Лишены ли вы крова и куска хлеба, преданы ли роднёй? Нет? Нытьё, позорное нытьё эти ваши жалобы.

Из весёлых, лучащихся строк на нас взирает лицо и улыбчивое, и озорное, и озарённое гаммой эмоций от предельного холерического отчаяния до холерического же предельного восторга. В этом лице самые неиспорченные из нас прозревают образ, данный всем нам от рождения. О, вечная погоня за детством как средоточием лучшего, солнечного, искристого! Умираем тогда лишь, когда призрак его окончательно угасает.

Вторая «Чёрная речка»

О Пушкине до сих пор нельзя молвить без волнения: весь он, такой непривычный, переливающийся, волшебный, приведён к почти полному безмолвию, сломлен и засушен – школьной программой.

Увы – нашему академическому литературоведению! Оно произвело с изменчивым, не поддающимся анализу Пушкиным бесчеловечный эксперимент.

Пушкин! – подразделён на «любовного», «гражданского», «свободолюбивого», и тем самым разъят на части, как предустановленная гармония!

Пушкин! – обращён в коровью тушу с плаката в продуктовом магазине: «голяшка», «кострец» и «огузок» – вот чем в рассмотрении почтенных составителей хрестоматий предстают его свободолюбие, гражданственность и любвеобильность. Но весь он, тем не менее, и свобода, и любовь, и гражданство. Он – тот, кто пробудил наш язык от спячки, надсмеявшись над его грузной бюрократической основой и приведя его к изъяснению предельно человеческому. Иными словами, Пушкин впервые, может быть, показал нам – нас.

Начнём же – или хотя бы попытаемся – осознать, кто он, пробудить в себе лучшие начала, и задать его стихам те верные вопросы, на которые можно ответить хотя бы без гнева и пристрастия.

* * *

Его первый адресат – некая Наталья («К Наталье», 1813).

Это типичная удалая любовная песнь, написанная простонародным хореем, и призванная изъяснить страсть. Концовка:

Не владетель я Сераля,
Не арап, не турок я.
За учтивого китайца,
Грубого американца
Почитать меня нельзя,
Не представь и немчурою,
С колпаком на волосах,
С кружкой, пивом налитою,
И с цигаркою в зубах.

Не будет большим преувеличением заметить, что эксплуатация бывших некогда куда как в ходу «национальных стереотипов» не добавляет нашему национальному гению ни грамма толерантности. Он не толерантен! Зачем же он так? Разве не лучше изъясниться иначе?

Нет, не лучше.

Пушкин, отталкиваясь от «грубых» американцев и «учтивых» китайцев, ищет тайну русскости «от противного». Его отчизнолюбие нисколько не изменится и в зрелые годы, когда в стихотворном послании «Клеветникам России», считаемым и сейчас в некоторых кругах «нагло имперским», он попытается с отстранённо насмешливой светскостью отвергнуть весьма горячие притязания соседей не только на земли, но и на правду своей страны.

Пушкинский патриотизм исходит из самой сокровенной, пожалуй, препозиции, в которой русский интеллигент (интеллектуал, образованный человек – как угодно, без разницы) вынужден быть экскурсоводом у неких «немцев», достаточно расфуфыренных и брезгливых, чтобы поднимать брови по любому поводу. При виде, например, засыпанных снегом по крышу бревенчатых изб, крытых ничем иным, как соломой, и сиротливой скотины во дворах. А эти золотушные дети! А скудость сервировки столов!

Ещё бы им не морщиться, они же только что из Версалей…

Но чем оборваннее ребятишки в сенях, чем гуще покрыта сетью трещин кривобокая глиняная посуда, тем яростнее вскипает в груди и жалость, и обида на тех, кто смеет издевательски приподымать брови.

Оборотитесь-ка лучше вы, взирающие, на самих себя, на свои деревни, – вот как примерно можно парировать взлёты бровей.

Русский патриотизм извечно – в стойке английского бокса, с поднятыми к подбородку кулаками. Он ранен несовершенством и порой откровенной убогостью России. До сведения господ иностранцев он стремится донести примерно следующее: да, стыд, да, позор, издержки неэффективного управления, и расслоение неслыханное, и нищета, но всё это – моё. Слышите? – моё. Я – отсюда. И не стыжусь.

* * *

Концовка первого известного нам стихотворения его – «Знай, Наталья! – я… монах!» автоматически, с железной логикой влечёт за собой стихотворение «Монах». С ума сойти от такой последовательности развития образов.

Во вкусе Рабле и прочих средневековых насмешников, изнывавших от витальности и проказ, разыгрывается притча о монахе, решившемся на договор с бесом. В ответ на обещание «свезти в Ерусалим» монах поддаётся и оседлывает нечистого духа, полагая, что такое воздушное сообщение не принесёт ему падения в пропасть:

«*Старик, старик,*
не слушай ты Молока,
Оставь его, оставь Ерусалим.
Лишь ищет бес поддеть святого с бока,
Не связывай ты
тесной дружбы с ним», – молит автор, но фантастический полёт начинается, и Бог весть, чем кончится… сравните с гоголевским Вакулой. Невероятие Пушкина – напрямую от инкруайяблей («невероятных») Парижа и окрестностей, «модов» и «готов» 1820-х годов, гротесковых любителей постреволюционно-гильотинной инфернальности. Но все эти мотивы оптом – о, ирония! о, сарказм! – достались, в конечном счёте, Гоголю.

* * *

Знаменательный 1813-й заканчивается эпиграммой на Кюхельбекера, зашифрованного под титлом «Клит, внук Тредьяковского»:

Внук Тредьяковского Клит
гекзаметром песенки пишет,
Противу ямба, хорея
злобой ужасною дышит;
Мера простая сия всё портит,
по мнению Клита,
Смысл затмевает стихов
и жар охлаждает пиита.
Спорить о том я не смею,
пусть он безвинных поносит,
Ямб охладил рифмача,
гекзаметры ж он заморозит.

Если невнятно содержание этого пространного, но всё ж отрывка, попробуем объяснить:

1. Спор идёт о новом русском языке, отличном от наследия XVIII, а так же и XVII вв. – нельзя, невозможно писать так, как предки, утверждает великий подросток.

2. Ямб и хорей здесь, в отличие от старообразных гекзаметров и вообще подражаний античности даже в ритмической ипостаси – символы его веры. Ямб и хорей, введённые русским Леонардо Михайлой Ломоносовым, вовсе не простонародны, как, морща носы, возмущается воспитанная на греках, французах, англичанах и немцах тогдашняя «элита», а путь к естественности.

3. Пророчествует лицейский друг и о том, что, в конце концов, исчезнет из употребления гекзаметр, и душа каждого сопутствующего «плеяде» обратится к наиболее прозрачному способу выражения.

И это только самый первый год выхода Пушкина на большую арену! Вот уж поистине бесстрашный боец.

* * *

1814-й.

«Русский поэт, русский поэт» – а вы читали эти стихотворения? И что там за имена? Давайте не поленимся и перечислим их (Вакха, Венеру, Бахуса и прочих мифологических персонажей оставим в покое, иногда они – просто они, и ничего большего, простейшие шахматные фигурки для создания буколического сюжетца): *Дорида. Дадон. Бендокир. Бова. Арзамор. Эзельдор. Вихромах. Мировзор.*

Каждое из этих имён собственных Word самозабвенно подчёркивает красным. Не знаю, мол, не ведаю. И мы не ведаем, кто они. Это – пушкинский внутренний балаганчик общемирового уклада, подступы к празднеству и «Царя Салтана», и «Руслана и Людмилы».

Весьма прозрачно – дальше некуда! – намекая на радищевскую сказочную поэму «Бова», Пушкин выводит притчу о ссылке и нахождении Наполеона на острове Эльба – самом остром политическом событии Европы и мира. В пору одного из высших достижений русской истории, сердцем он, выросший под слухи о грандиозных битвах, свидетель величайших побед, всецело на полях русской славы.

* * *

Далее – «Воспоминания в Царском селе», приведшие в восторг первого поэта империи Державина. Эта сцена – одна из лучших в нашей словесности, потому что она такова:

«Я прочел мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом… Не помню, как я кончил своё чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, и хотел меня обнять… Меня искали, но не нашли…» – он убежал! Что же восхитило патриарха? Строфа:

О, громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов,
Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страшась
дивился мир;
Державин и Петров
героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.

Здесь крайне важен баланс между всероссийским Державиным и неким Петровым, словно бы уравненными в правах. О Державине – вот уж подлинный символ XVIII века! – мы, кажется, полагаем, что знаем всё. «Фелица», ода «Бог», «Гром победы, раздавайся» и… что там дальше? А, ну да – «Жизнь Званская». Из татар, министр юстиции. Слава.

А кто Петров?

Во-первых, не Петров (псевдоним, господа), а Поспелов Василий Петрович (1736-1799), рано осиротевший сын священника, «славяно-греко-латинец», взлетевший на небосклон искусств исключительно благодаря Потёмкину. Вельможам того времени и круга, включая Екатерину II (на какое-то время умелец сделался её придворным библиотекарем), и принесены его оды. «На торжество мира» (1793), «На присоединение польских областей к России» (1793). Современники (Сумароков, Майков, Новиков) его ненавидели. Понятно, почему Новиков: Петров-Поспелов имел дерзость написать пародию на его словарь. Остальные… в природе поэтов ненависть лишь по одной причине – из зависти, но не к таланту даже, а к успеху.

Какое же, спрашивается, дело отдалённому от него временем Белинскому? «Трудно вообразить себе что-нибудь жёстче, грубее и напыщеннее дебелой лиры этого семинарского певца. Грубость вкуса и площадность выражений составляют характер даже нежных его стихотворений…» – такой благоуханный веник определений на четверть века как заросшую могилу мог доставить только чрезвычайно озлобленный «поклонник». Причина? Государственничество Петрова-Поспелова. Оно бесит и будет бесить всех противников «деспотии»: они, противники, не способны видеть в ней особенного класса гармонию взаимоотношений личности и государства, признавая нормой одно лишь голое романтическое противостояние одного другому. Да-да, романтизм против классицизма – не отвлечённое искусствоведение, а конкретная идеологическая парадигма «свободы» от «тоталитаризма». Но хватит о Петрове – последнюю пушкинскую строфу Державин принимает на свой счёт:

О скальд России вдохновенный,
Воспевший ратных грозный строй,
В кругу товарищей,
с душой воспламененной,
Греми на арфе золотой!
Да снова стройный глас
героям в честь прольется,
И струны гордые
посыплют огнь в сердца,
И ратник молодой
вскипит и содрогнется
При звуках бранного певца.

Возбуждённый упоминанием двенадцатью строфами выше, старик был полонён эпическими диорамами побоищ, но Пушкин знал и как закончить: всю последнюю строфу он непрестанно, безотрывно смотрел на мэтра, и тот расценил концовку как личное обращение к себе. Собственно, так и творится великая режиссура.

«Я не умер, – воскликнул Державин. – Вот, кто заменит меня!» – так власть ещё не передавали. Зависть поэтов друг к другу, упорное, подлое непризнание высоты собрата – не легенда, но образ мысли, вошедший в плоть и кровь. И только Державин, передающий маленькому Александру (имя завоевателя Вселенной!) маршальский жезл, и добр, и велик.

«На последовавшем за экзаменом парадном обеде Разумовский, довольный впечатлением, произведенным на гостей молодым поэтом, сказал отцу Пушкина: «Я бы желал, однако же, образовать сына вашего в прозе…». На что Державин ответил: «Оставьте его поэтом» – что за прелесть, и что за глубочайшее понимание превосходства поэтического мастерства! Победа поэзии – над прозой жизни.

…Пусть эта сцена трижды была отрепетированной и специально предназначенной по ублажение старика – она была.

* * *

Ещё немного абсолютного совершенства:

Дано мне мало Фебом:
Охота, скудный дар.
Пою под чуждым небом,
Вдали домашних лар,
И, с дерзостным Икаром
Страшась летать недаром,
Бреду своим путем:
Будь всякий при своем.

О, это *«Будь каждый при своём»* – девиз из разряда величайших, и образцовым иноческим смирением навряд ли благоухающий – скорее, не менее спасительным фатализмом. От рождения и до смерти мы, по сути, меняемся мало – настолько же, насколько мало нам даётся Фебом. С годами бывает чрезвычайно утешительно прозревать в себе всё те же родительские и школьные начала, при условии, что родители не служили надсмотрщиками в Дахау или Освенциме…

* * *

А вот о не менее великом принципе «живи, как пишешь, пиши, как живёшь» («К другу стихотворцу», 1814): прихожане, застав священника «малость выпимши», сетуют на него:

– *«Послушайте, –*
сказал священник мужикам, –
Как в церкви вас учу,
так вы и поступайте,
Живите хорошо, а мне –
не подражайте».

Это самое «живите хорошо» – послание, что называется, «на века». «Жить хорошо» – как минимум, не ныть. И вот уже новая вершина свободного выбора:

Подумай обо всем и выбери любое:
Быть славным – хорошо,
спокойным – лучше вдвое.

Bravo-bravissimo!.. Ещё вы помните? «Каждый при своём» – выбор, скажем так, изначальный. «Спокойным – лучше вдвое» – привнесённый, осмысленный, выбор дозревшей до выбора личности.

* * *

Итак, суммируя:

– Ранние стихотворения Пушкина – кладезь. Непонятно, чего именно, но кладезь – несомненно, пробормочет заморённый ЕГЭ и ГИА учитель словесности. «Культуры», ответим за него мы. «Культура» – дадим же вольное её определение – есть восхитительный и инстинктивно опознаваемый с первого взгляда коллаж смыслов, столетиями собираемых уединёнными душами в единое целое.

– Почти 90% ранних стихотворений Пушкина – «послания», то есть, эпистолы (письма) с конкретным адресатом. В 1813-14-м он весь ещё в «кругу друзей», в Лицее, где только меж «своими» разговор, кажется, и возможен. В строках скрывается столько черт «общего дискурса», что литературоведы отчаялись обнажить их. Ищите спелые жёлуди в кроне пятисотлетнего дуба, господа. Они там есть.

– Ранние стихотворения Пушкина длинны, знаменуя весенним разливом своим и великолепие будущих его поэм, и вообще масштаб личности, способной изливаться по теме столько, сколько требует страстная любовь к ней.

– Фигура поэта в них – традиционна. Он, конечно же, не монах, но добровольный отшельник, мечтатель, уединившийся ради того, чтобы расслышать собственную душу. Наибольший грех для такой души – светскость (или «береги честь смолоду» («Капитанская дочка»), или покатишься под откос), но главная их мания – уединённость («Вдали ты зришь утёс уединенный…»). Желание непременно остаться одному – следует признаться – от жизни лицейской, и только от неё. Что Лицей? Казарма «золотых мальчиков». Уставы, муштра, но и взлёты духа… «Один» (прогулял пары) равно «свободен».

– И ранняя, и поздняя суть Пушкина неизменна – она суть непрерывный трепет перед бытием, и в этом смысле Пушкин – святой нашего языка, так пострадавшего от реформирования не какими-то там «иностранными заимствованиями», но омертвением смыслов, проистекающим от омертвления его носителей ещё при жизни – нас с вами, возлюбленные читатели и сочинители.

– И да, это именно мы по гроб виновны в том, что Пушкин не возродился ни в двадцатом, ни уже в двадцать первом столетии, что нет среди нас того, кто бы воззвал не к совести и чести, а к святой любви к Сущему, кажущемуся нам досадным недоразумением, а не даром свыше. Это мы, влачась по дорогам судьбы, истощили её долготерпение прахом ничтожных надежд и суетных вожделений, и требовать от неё чего-то, измученной нами, бессмысленно.

– Пушкинский огнь напоминает нам о том, какими светлыми и прозорливыми мы могли бы быть, но не делаемся таковыми из лени и мозговых судорог, и все – во власти тяжкого сна, наколдованного самими себе. Отсутствие дерзновения делает нас рыхлыми и беспомощными там, где ни рыхлыми, ни беспомощными мы быть не имеем никакого права.

– Следует дерзать – какое бы дело ни предстояло нам. Следует преклоняться перед тем, кто открыл русскому языку и человеку дорогу в осиянные небеса. Он – верный и возлюбленный ученик великих подвижников, в нём их лёгкость, их светящаяся простота дали знать о себе самым непосредственным ребяческим образом из возможных.

– Пребудьте с Пушкиным, если не хотите превратиться в рассудительных и скучных старцев с потухшим взором. Вечная молодость, вечное озорство – эликсир сколь древний, столь и могущественный. Он, как Музыка, никогда не предаст ни вас, ни ваших потомков. Пребудьте с Пушкиным, как с вечным светом, если не хотите укатиться вместе со своей единственной судьбой в постоянно рифмуемую им с днём тень (или сень), из которой нет возврата.

«Опять над полем Куликовым»

Андрей ШАЦКОВ

Ко Дню Воинской славы России

Поля русской славы: Куликово, Полтавское, Бородинское, Прохоровское. Наверное, недаром, этот героический перечень открывается названием поля, лежащего в междуречье Дона и Непрядвы – наверняка болотистым («Всяк кулик свое болото хвалит») и наверняка поросшим по окоему дубравами (ведь именно оттуда молнийным ударом решил исход битвы засадный полк князя Боброка). Словом, обычным русским пространством, в один знаменательный день вошедшим в историю России на века.

«Задонщина»… Высокое вдохновение водило рукою автора героических, светлых строк. Осмелился ли когда-нибудь и я взяться за поэтический цикл о событии, о котором сам Великий Блок сказал однажды: «Куликовская битва принадлежит к символическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение. Разгадка их еще впереди…»?

Однажды мне приснилась Богородица… Случай, конечно, удивительный, но на бескрайних просторах России отнюдь не редкий. Ведь привиделась же она тому же Александру Блоку в одном из стихотворений его бессмертного цикла «На поле Куликовом».

И с туманом над Непрядвой спящей,
Прямо на меня.
Ты сошла в одежде свет струящей,
Не спугнув коня…

В тот уже необыкновенно далекий сентябрьский день Богоматерь как бы благословила мои, еще не родившиеся, стихи…

Теперь для меня несомненно, что Она была в 1380 году в небе над Куликовым полем в День своего святого Рождества 8(21) сентября. Ибо ни ратный подвиг Пересвета, ни полководческий гений князя Боброка-Волынского, ни героическое личное мужество Дмитрия Донского и многих иных воев не смогли бы перемочь трёхкратного численного перевеса озверевших врагов в те времена, когда оружие было несовершенно, а боевые споры решались с помощью грубой силы множества. Для «одоления на враги» на ратные весы легло то незримое, чему нет вещественного названия, но сколь оно значимо, «веси ты, Господи…».

Не поддаются осознанию энергии, передаваемые нам предками. Именно от них берет начало мое Куликово поле. Может быть, из ярких детских снов, в которых на огромном гнедом коне врывался в черные, ощетиненные сталью шеренги врагов и, поднятый на копья, просыпался вновь и вновь. (Это лишь потом я узнал, что в помощь к своей азиатской коннице Мамай нанял в Кафе 4 тысячи знаменитой генуэзской пехоты, одетой во все черное.)

А может быть «память предков» завещала мне волшебные места опорного края Московии – древней Рузы? Ружане точно участвовали в битве в составе Большого полка, а сама заповедная Рузская старина вдохновила замечательного русского писателя Сергея Бородина на написание отмеченного впоследствии Сталинской премией романа «Дмитрий Донской». Часть действия романа разворачивается в Рузе, а под опубликованным произведением лаконично обозначено место его создания – Старая Руза.

С местами, через которые протекают энергии Куликова поля, мне вообще везло. Всю свою юность я прожил в доме напротив Сокольнической мастерской любимого художника Юрия Ракши, человеческий и творческий подвиг которого во время написания им «Куликовского» триптиха стал предметом преклонения практически во всей России. Положив последний мазок краски на эпическое полотно о подвиге предков, тяжело больной художник умер в самый канун 600-летнего юбилея исторической победы.

Именно вся Россия отмечала в 1980 году огненный юбилей судьбоносной даты. Был в этот туманный с утра, как и 600 лет назад день, на Куликовом поле и я. Кстати, непреложно могу засвидетельствовать, что описываемый местными жителями природный феномен ежегодного повторения погоды 8(21) сентября на Куликовом поле – существует. Густой утренний туман, как по волшебству, рассеивается, открывая высокое синее небо, и окрестности заливает не по-осеннему яркое солнце, а ветер дует в лицо врагу…

Именно в 1980 году у меня родился старший сын. Надо ли говорить, как его назвали? Интересно, что когда в 1987 году мы пришли в первый класс обычной средней школы, то из 17 будущих соучеников сына – 12 с гордостью носили имя Димитрия, и все знали в честь кого они были названы.

Это я о народной памяти, о национальной гордости предков. Слышите вы, их теперешние потомки, в жилах которых по капле иссякает кровь великих отцов!

Но тем-то и отличается, даже в наше «постлитературное» время, Куликово поле от затоптанного нынешнего «творческого пространства», что на его бескрайнем просторе никому не должно быть тесно в одном строю с Сафонием Рязанцем, Епифанием Премудрым, Александром Блоком, Сергеем Бородиным, Дмитрием Балашовым и другими вятшими – знатными и большими – литературными ратоборцами. У каждого из них – свое Куликово поле и, наверное, всем им воздалось от Бога!..

Со дня одной из важнейших в истории страны битв минуло уже 640 лет, но небо Куликова поля по-прежнему распахнуто над нами. Пишутся новые стихи, снятся вещие сны. Словом, «Опять над полем Куликовым…».

«Куликовец…» – беззлобно поддразнивал меня когда-то Савва Ямщиков. Низко кланяюсь его памяти, как и памяти других «куликовцев».

ОСЕННЯЯ РОССТАНЬ

Во славу русского оружия и памяти
сына Дмитрия (1980-2016 гг.)

И пахла росстань брагою хмельной.
И старый клён ветрами укачало.
И бьёт копытом в землю вороной,
И трензелем позвякивает чалый.

Сентябрь пригож, и так прекрасна Русь
Сим, наступившим в пору, бабьим летом,
Что я никак с тобой не соберусь
В дорогу, сын,
за нашей славой следом.

Ложится корзно на твоё плечо…
Невеста опускает тихо руки,
Не плачет, но наплачется ещё
Когда придёт безвременье разлуки.

Поберегись!.. И только пыль столбом.
Догоним наших около Коломны.
Но кружит ворон в небе голубом
И хрипло грает голосом соромным.

Останови коня, наладь стрелу.
Навскок стрелять умеют лишь татары…
Гуся несут с почётом ко столу,
А ворона не жаль послать в тартары.

Ну вот и наша сотня, поутру
Мы встанем с нею около Непрядвы.
И заполощут стяги на ветру
Взыскующих единой русской правды!

Под клёкот лебединых верениц
Святая Мать за воинство заступит.
И Красный Холм – Мамая ринет ниц,
И в степь отбросит, словно чёрта в ступе.
……
Прощай сынок! Я тайну сберегу,
Не рассказав, что снилось в дебрях ночи:
Ковыль дымился кровью на лугу,
И синь дождя стекала павшим в очи.

Крестом, простёршим руки средь жнивья,
Застыв навек в молчании суровом…
Зачем уходят к звёздам сыновья,
Не одарив отцов прощенья словом?

16 сентября 2020 года

АНО «Газета русских писателей “ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”»
Учредитель – Союз писателей России
Свидетельство о регистрации от 12.04.2019
№ 1197700005513

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Комсомольский проспект, 13, каб. 109
Тел. редакции: **8 (916) 015-80-69**
Наш сайт: **denliteraturi.ru** Электронный адрес: **denlitera@yandex.ru**
Отпечатано в АО "Красная Звезда" (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, http://www.redstarprint.ru, e-mail: kr_zvezda@mail.ru).
Тираж 4 000

Главный редактор –
Валентина ЕРОФЕЕВА
Шеф-редактор –
Владимир БОНДАРЕНКО

РЕДСОВЕТ:
Александр БОБРОВ
Андрей ТИМОФЕЕВ

Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения авторов 18+ Подписано в печать 27.09.2020 г. Заказ № 4910-2020